№ 38 ОКТЯБРЬ МОСКВА 1942 ● ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ● ГОД ИЗДАНИЯ XXI ● ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

КРОКОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа

Очередной нажим.

ПРИХОД И РАСХОД

Рис. В. Горяева

Черкес Мухамедов отмечает количество убитых им фрицев палочками.

Обер-лейтенант Шульц отмечает количество тех же фрицев крестами.

Только для немцев

Париж. Магазин.
Построились в ряд
Сыр, шоколад,
конфеты...
На яркой витрине
висит плакат:
«Только для немцев
все это!»
Печально в Париже
француза житье,
Вздыхает:
— Когда же наемся?!
Свобода и воздух,
еда и питье —
Все это
только для немца!
И вот патриотом
В Париже надних
Приготовлен сюрприз
богатый:
Красуются всюду —
на всех фонарях:
«Только для немцев!» —
плакаты.
Борись, патриот,
презирая страх,
Ни жизни, ни сил
не жалея.
Развесь оккупантов
на всех фонарях —
И станет в Европе
светлее!

Георгий КРЕЙТАН

Тбилиси.

Завертайло

Голос шел издалека, как будто с другого конца света, хотя до областного центра было не больше шестидесяти километров.

— Не слышу, не слышу! Повтори! — кричал председатель горисполкома, побагровев от напряжения. — Скажи еще раз!

В трубке стонало, рычало, треск и вопль, скрежет и чорт знает что! Председатель горисполкома закрыл трубку рукой:

— У этого редактора голос, как у девицы. Ему бы в балете танцовать с таким голосом.

Он вытер рукавом черной косоворотки лоб и щеки и снова начал выкрикивать:

— Я слушаю! Я слушаю! Да, да, у телефона Лазарчук... Громче, да громче говори! Прошу тебя: продуй трубку!.. Что-то очень важное, — прошептал председатель горисполкома, и все, находящиеся в его маленьком кабинете, придвинулись еще ближе к столику с телефоном. Внезапно морщины напряжения разгладились на лице Лазарчука. — Так, так...—сказал он и внезапно счастливо улыбнулся. — Конечно, это наш... Завертайло — это наш... А имя-отчество как? Как? — внезапно закричал он, снова побагровев. — Как? Повтори! Не слышу! Не слышу! Да, да у телефона! Лазарчук у телефона!..

Но сколько уже ни кричал председатель горисполкома, сколько ни дул в трубку и ни ругал редактора областной газеты, телефон трещал и вопил, и вскоре всем стало ясно, что нужно отложить разговор.

Совершенно взмокший председатель горисполкома положил трубку на рычаг, и сказал голосом, дрожащим от волнения и обиды:

— Нашему земляку Завертайле звание Героя Советского Союза дали. Наш Завертайло, с нашего города; вот имя-отчество не сказал, как...

— Я знаю трех Завертайл, — сказал зав. плановым отделом горисполкома. — Завертайло с 172-го завода, Завертайло с банно-прачечного треста, и в банке работал Завертайло. Боевой народ!..

— Завертайло!.. — молвила задумчиво исполняющая обязанности зав. горнаробразом. — У нас в десятилетке был преподаватель Завертайло, Кузьма Ильич. Очень толковый, боевой человек. Верно, он...

— Вы в этом уверены? — едко заметил заведующий плановым отделом. — А те Завертайлы, о которых я говорил, — это не боевые не смелые?

— Нашли время спорить! — прервал его зав. райздравотделом.— Искренно удивляюсь вам... А вы не успели спросить, товарищ Лазарчук: не врачом ли работал Герой Советского Союза Завертайло? У нас был врач с такой фамилией, и я нисколько не удивлюсь...

Председатель горисполкома глянул на своих сотрудников веселыми глазами и снял телефонную трубку.

— Девушка, — сказал он умоляюще, — постарайтесь поскорее соединить меня с областью. У меня волнения в горисполкоме... Хорошо, спасибо!

Он положил трубку:

— Чтоб в одном городе столько Завертайл! И все боевые!..

Юхим МАРТИЧ

Действующая армия.

ЦЕНА ВРЕМЕНИ

Рис. Л. Бродаты

— Безобразие! Не ценит она времени! Ведь я на работу опоздал на час, а ее все нет!

Жалоба Хрисанфа Спичкина

Уважаемый тов. редактор!

Я Спичкин, Хрисанф Спичкин, вы, наверное, обо мне слышали. В 1939 году я обвинялся в прогуле, но, доказав свое алиби, был оправдан и с тех пор самоотверженно тружусь на ниве общественного питания в качестве заведующего столовой райторготдела. За три года беспорочной службы был два раза снимаем со своей ответственной должности по обвинению в нехватке чуткости к запросам потребителя, но, осознав свою вину, был оставляем, о чем свидетельствует прилагаемое при сем удостоверение за соответствующими подписями и печатью.

Все шло хорошо до 19 сентября текущего года, когда в местной газете появилась компрометирующая меня заметка о том, что в руководимой мной столовой обнаружены признаки недопустимой антисанитарии и антигигиены. Поскольку вышеуказанная заметка бросает на мою нескомпрометированную личность известную тень, я обращаюсь через посредство вашего журнала с просьбой поместить нижеуказанные строки, проливающие яркий свет на мою скромную фигуру.

Не спорю, за последние месяцы в моей столовой стало меньше санитарии. Но я и не гонюсь за ней. В условиях военного времени есть более важные задачи. И если в такое время находятся люди, готовые поставить мне в вину грязные тарелки, на которых подается еда, то я должен со всей решительностью протестовать. Я сам человек культурный, и тем не менее у меня дома второй месяц стоит немытая посуда, ибо можно ли заниматься сейчас такими мелочами?!

Автор заметки жалуется, что в столовой неделями не убирается мусор. Это заявление голословно. Мусор не убирается всего 27 дней, то есть с средних чисел августа, когда я вынужден был сократить уборщицу и вместо нее пригласить ответственного работника по даче объяснений на записи посетителей в жалобной книге.

Жалобы на антисанитарное состояние столовой настолько участились, что предо мной стоял выбор: либо самому отвечать на них — и тогда не оставалось бы времени для руководства — либо изыскать штатную единицу для сотрудника, который отдавал бы все свои силы и способности жалобной книге. Я выбрал последнее и поступил, по-моему, правильно.

В заметке содержится намек на то, что я своей опустившейся внешностью подаю дурной пример обслуживающему персоналу. На эти намеки я даже не считаю возможным реагировать. Целиком с головой погрузившись в работу, я не только о бритье или свежем воротничке, но даже дорогу к бане забыл. И если автор заметки, бросая мне обвинение, этого не понимает, — значит, он ничего не понимает.

Вот все, что я хотел, товарищ редактор, сказать в свою защиту. Надеюсь, что вы меня поймете и примете во мне участие. Ответ шлите не на адрес столовой, от руководства которой я уже освобожден, а на квартиру.

С приветом Хрисанф Спичкин.

Письмо подготовил к печати
И. ВЕРХОВЦЕВ.

В парикмахерской

РАДИО передавало утреннее сообщение Совинформбюро. Только что кончились боевые эпизоды и посетители парикмахерской в молчании выслушали сообщение о подвиге сержанта, уничтожившего огнем автомата девятнадцать врагов.

Круглолицый человек с бритой головой, которому тщательно намыливали щеку, сказал:

— Да, безусловно, молодец. Но я лично предпочитаю станковый пулемет.

В парикмахерской наступила почтительная тишина. Обросший золотистой щетиной командировочный с портфелем и чемоданом отложил в сторону «Огонек» и посмотрел на бритоголового человека. До сих пор он смотрел на него с известной неприязнью, потому что бритоголовый обошел его в очереди.

— Почему же станковый пулемет? — вежливо спросил он.

— Более эффективное оружие,— спокойно сказал бритоголовый. — Помнится, был случай, один станковый пулемет задержал продвижение целой роты фрицев. А граната, например! Незаменимая вещь в бою. Четыре гранаты за пояс — иди себе спокойно и только поглядывай. А снайперская винтовка! Разумеется, в руках у настоящего стрелка. Чудо! Ничего так не боятся немцы, как меткого снайперского выстрела. Я вспоминаю...

В парикмахерской наступила тишина. Даже свежевыкрашенная блондинка, которой делали маникюр в женском отделении, перестала стрекотать. Ученица-стажерка, только что пустившая в двух местах кровь клиенту, раскрыв рот, повернулась к бритоголовому. Только мастер с седым ежиком — старожил парикмахерской — продолжал звенеть ножницами.

— На чем я остановился? Насчет чего это я?.. Ага! Насчет снайперской винтовки... Короче говоря, это вещь. Немцы, конечно, тоже знают ей цену. Вот и пленные тоже: нет-нет, а скажут пару слов о работе снайперов. Помнится, был такой случай... Бьют минометы...

— Не беспокоит? — шопотом спросил парикмахер.

— Привычка. На фронте главное — привычка.

— Я не о том, извиняюсь: бритва не беспокоит?

— А?.. Ничуть... Так о чем это я?

— О минометах.

— Да, о минометах. Бьют минометы... Шестиствольные, разумеется. А наискосок — вот как вы сидите — походная кухня. Хлопается мина прямо в щи. А щи, как назло, повару не удались. Ну бывает так; в походной жизни раз на раз не приходится. Значит, хлопается мина и попадает прямо в щи. Ну, разумеется, от щей и от кухни одно воспоминание. Все обозлились, ругаются: шутка ли фронтовику без обеда остаться! И только один повар почему-то ходит довольный. А командир и говорит: «Ну, Евстигнеев, подвезло вам нынче, а то попало бы вам от меня за такие щи». Война, понятно,— война, но есть, знаете ли, во фронтовой жизни и веселые минуты.

— Понятно,— умиляясь, сказал командировочный,— без этого никак нельзя.

— Даже не припомнишь всего... Ну, скажем, передний край. Бомбежка... Бьют тяжелые, стрекочут пулеметы,— словом, что называется, полный разворот. А тут же, в двух шагах от тебя... Что, одеколон? Можно и одеколоном. А насчет пудры не надо, не люблю; нам, фронтовикам, это ни к чему. Все? Сколько вам полагается?

С бритоголового сняли покрывало. Он оглядел свои сверкающие сапоги, подтянул ремень и, с удовольствием оглядев себя в зеркало, пошел к выходу.

— Жаль,— сказал командировочный, усаживаясь в кресло,— очень жаль...

Звон ножниц прекратился, и мастер с седым ежиком сумрачно наклонился к клиенту:

— Чего, собственно, жаль?

— Да вот товарищ не досказал... Я сам, знаете, приезжий из глубокого тыла. Интересно же послушать рассказ фронтовика...

— «Фронтовика»?! — мастер с седым ежиком даже свистнул.— Продавец из военторга: Советская, дом номер восемь,— вот он кто! По глазам его освободили, а вы говорите: «фронтовик»!.. Эх, провинция!..

Командировочный всплеснул руками:

— А я ему очередь еще уступил! Действительно, провинция! — и со злостью уставился в зеркало.

Л. НИКУЛИН

Рис. И. Семенова

— В моем взводе потерь нет, господин обер-лейтенант! По списку все налицо!

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

НЕИСПРАВИМЫЙ

В целях исправления уголовника Карла Швайна зачислили добровольцем в германскую армию и прямо из тюрьмы отправили на фронт.

Через некоторое время родители Карла узнали, что их сын не только не исправился, но и окончательно разложился... в могиле.

(«Боевое знамя».)

В НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЕ

УЧИТЕЛЬ: — Карл, какая самая распространенная порода деревьев в России?

КАРЛ: — Береза, господин учитель.

УЧИТЕЛЬ: — Правильно. А что из березы делают?

КАРЛ: — Кресты для наших солдат, господин учитель.

(«На врага».)

НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ

Когда фашисты стали делить награбленное добро, рыжий Курц Мюллер сказал:

— Друзья, не забудьте: у меня четверо детей. На мою долю — побольше.

Когда наши бойцы взяли Курца Мюллера в плен, он сказал переводчику:

— Товарищ комиссар, ради бога, пощадите: у меня четверо детей.

(«Боевая тревога».)

ТОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ

РАЗВЕДЧИК: — Бабушка! Много немцев осталось в вашей деревне?

БАБУШКА: — Да, много, родимый: целое кладбище.

(«Врага на штык».)

БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

— Пауль, почему ты весь в синяках?

— Меня наказали в школе.

— За что?

— На уроке зоологии я нарисовал мартышку, а учитель меня избил и сказал, что не позволит пририсовывать Геббельсу хвост.

(«Патриоты родины».)

НЕСЛОЖНАЯ АРИФМЕТИКА

— Поздравляю вас, фрау: к вам возвратились с восточного фронта два сына.

— Да, но из двух возвратившихся я смогу составить только одного целого.

(«Советский боец».)

ЗАВИСТЬ

— Слушай, Ганс, я вчера читал в газете, что наши катера в трудных условиях сделали по 25 узлов.

— Ого, здорово хапают наши ребята! А мы, горемыки, больше двух узлов в день собрать не можем.

(«Красный Балтийский флот».)

Фантазия

ДВА милиционера вели толстого хорошо одетого человека с портфелем в руках.

Лицо у толстого человека было растерянное, глаза беспокойно бегали по сторонам.

Приглядевшись, я узнал Фимушкина.

— Фимушкин?! Что с вами?..

— Н-ничего... Вот иду... кажется, в нарсуд!..

Когда человека сопровождают милиционеры, а направляется он в нарсуд, он как две капли воды похож на подсудимого.

— Товарищи, в чем дело?.. Это же Фимушкин, мой знакомый. Куда вы его ведете?..

— Куда надо, туда и ведем! — загадочно сказал один из милиционеров.

А второй посмотрел на меня подозрительно и добавил:

— Напрасно вы, гражданин, поддерживаете связи с ворами!..

— С ворами?!.

Я посмотрел на Фимушкина: он жалко сопел носом.

— Что же он украл?

— Часы.

— Золотые?

— Золотые. В общем драгоценные. Полтора часа слямзил. Крупный ворюга!..

— Полтора часа?! Какие полтора часа?!

— Вы что, гражданин, с луны свалились?.. Вы понимаете, что такое «время» в военное время?.. Ваш знакомый опоздал с выполнением важного задания на полтора часа!.. Теперь ему пропишут ижицу...

— А разве теперь за опоздание... того... прописывают?

— Прописывают. С сегодняшнего дня. А вы... давно знакомы с гражданином Фимушкиным?

В глазах милиционера зажегся профессиональный огонек.

— Нет, собственно, недавно,— сказал я. — И вообще... Какой же он мне знакомый? Так... встречались... раза два. Полтора часа спер?! Ай-ай-ай! Вот такие все дело портят. Вы, извините, товарищи, мне пора...

Я ускорил шаг и на коротком галопе вбежал в учреждение, куда был вызван на прием к управляющему ровно на 6 часов.

В приемной сидело человек шесть—восемь. На часах было двадцать пять минут седьмого.

Пегая секретарша равнодушно ругалась с посетителями:

— Что? Когда начнет прием? Когда начнет, тогда и начнет.

— А когда начнет?

— Как только начнет. Он сейчас по телефону говорит. Надо понимать, гражданин!

У меня отлегло от сердца. Милая, знакомая картина! Ничего не изменилось.

В половине седьмого управляющий вдруг вышел из кабинета в приемную бледный, как известка.

Он блудливо глянул на часы, криво улыбнулся и тяжело бухнулся на колени.

— Братцы! — жалобно проблеял управляющий. — Товарищи... Родненькие... Пожалейте, не жалуйтесь... Честное слово, не знал. Только сейчас позвонили, сказали, что с сегодняшнего дня... ижицу прописывают. Клянусь, не буду больше у вас время воровать. Не погубите! Не дайте человеку пропасть в военное время...

— А вот и нет тебе моей пощады в военное время, ворюга! — с чувством сказал старичок в кепке, сидевший в углу. — Граждане, вяжите его!

Управляющий заплакал. Мне стало противно, и я вышел на улицу.

На бульваре я сел на скамеечку, чтобы отдышаться, покурить и собраться с мыслями.

Мимо меня торопливой рысцой бежали москвичи. До ушей моих долетали обрывки разговоров:

— За десять минут большую ижицу прописывают или малую?

— Среднюю.

— У нас директор проворовался. Пришла комиссия, подсчитала: в двадцати рабочих часах не мог отчитаться.

— Пропишут, поди?

— Еще как пропишут!

* * *

Фантазия? А знаете, очень жаль, что это только фантазия.

Л. ЛЕНЧ

Рис. Бор. Ефимова

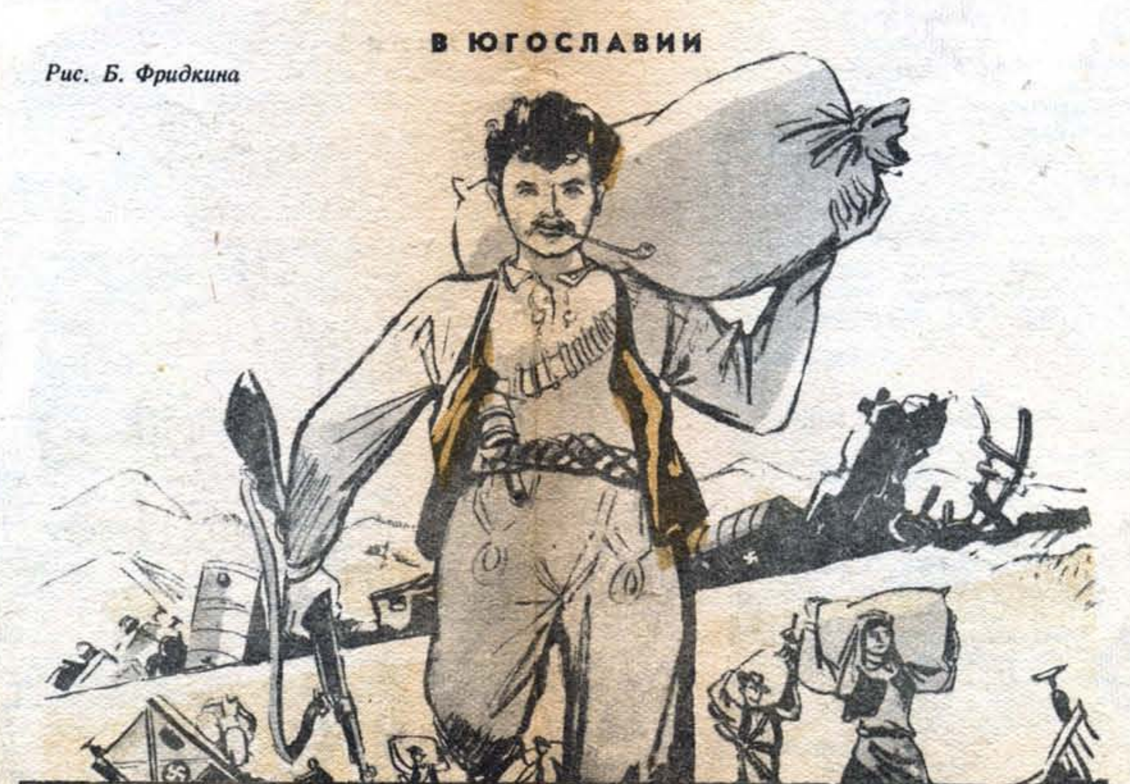
ЖИЗНЬ В АДУ

— Эй, там! Разогревайте еще котлы! Прибыла свежая партия фрицев! Русские снайперы работают вовсю!

В ЮГОСЛАВИИ

Рис. Б. Фридкина

— Молодцы наши партизаны! Наладили работу транспорта. Продовольствие прибыло своевременно.

Редакции венгерских газет донимают анонимные телефонные звонки, которые клеймят редакторов за предательство.

Рис. А. Каневского

— Вы предатели и холуи!..
— Алло! Кто говорит?
— Все говорят.

Рассказ сержанта

Поезд шел на Калугу.

Нас было трое в купе жесткого вагона: я, сержант и боец. Разговорились о том о сем. Но, конечно, все больше о войне. Не помню, как это случилось, но наша беседа коснулась героических подвигов советских разведчиков. И вот тогда-то боец и сказал:

— О разведчиках интересно может рассказать товарищ сержант.

Сержант недолго заставил себя просить. Он почесал затылок, улыбнулся и начал:

— Опишу я вам вкратце один эпизод. Есть у нас в части парень. Сам он из Сибири. В тайге воспитывался. А там всякий мужчина — следопыт и охотник. И как пошел он в Красную Армию, то сразу пожелал стать разведчиком. «Охотился я,— говорит он,— за таежным зверем и хочу сейчас поохотиться за фашистским волчком». И вот наш сибирский охотник начал бродить по брянским лесам и выслеживать немцев. Зовут его Герасим Носков.

Однажды вечерней порой Носков пошел в разведку. Идет и потихоньку сам с собой разговаривает. А должен вам, между прочим, отметить, что этот самый Герасим Носков— парень ничего, веселый, но маленько с придурью. Правильно я говорю, товарищ Степанушкин?

Этот вопрос был обращен к красноармейцу. Тот рассмеялся и сказал:

— Во всей точности не скажу. Я его мало знаю.

Сержант продолжал:

— Ну а я его отлично знаю. Не раз встречались. И в разведку вместе ходили. Так вот, идет он лесной тропинкой и самому себе отдает по всем правилам приказ: «Товарищ Носков, вам надо проникнуть в деревню Н., пробраться в немецкий штаб и принести оттуда документы». И тут же по всем правилам сам себе отвечает: «Есть проникнуть в деревню Н., пробраться в немецкий штаб и принести оттуда документы».

За таким интересным разговором время незаметно прошло, и разведчик приблизился к гумнам, стоящим недалеко от деревни К. «Товарищ Носков,— сказал себе товарищ Носков,— теперь для соблюдения осторожности лечь на землю и ползти огородами». «Есть для соблюдения осторожности лечь на землю и ползти огородами».

Приказание было немедленно выполнено — лег и пополз. Ползет, ползет...

Короче говоря, не прошло и получаса, как наш славный разведчик очутился в немецких руках. Как это произошло, рассказывать долго. А поэтому прямо перехожу к делу.

Толстый фельдфебель со свиным рылом дал ему раза три по морде и сказал: «Сейчас мы тебе будем делать капут». И заперли его, избитого, окровавленного в какой-то амбар.

Прошел день, никакого капута нет. Вызвали Носкова на допрос к долговязому и лысому обер-лейтенанту. А наш Герасим не будь дураком и прикинулся дурачком. Долго с ним канителились, ничего путного не добились, дали ему раза два по загривку и опять повели в амбар... Товарищ Степанушкин, мне скоро сходить?

— Через одну остановку, товарищ сержант,— ответил боец.

— Вот и хорошо. Как раз успею досказать... Сидит Носков в амбаре и сильно скучает. Особенно потому, что без всяких харчей приходится существовать. «Не робеть, товарищ Носков!» — говорит он сам себе. Есть не робеть!»

Вдруг приходит в амбар тот самый фельдфебель со свиным рылом и велит выходить. «Сейчас они мне капут будут делать»,—решил Носков. «Плевать на капут, товарищ Носков». «Есть плевать на капут». А все-таки как-то неприятно и обидно.

Но тут выяснилось, что немцы действительно поверили, что наш разведчик — дурак и простофиля. Фельдфебель объявил Носкову, что он будет обслуживать господ офицеров: чистить им сапоги, ставить самовар, колоть дрова. Сплошной умственный труд.

Так прошло дней пять. Герасим полностью вошел в свою роль. Работал он без всякого саботажа: сапоги у господ офицеров блестели светлее дня, темнее ночи.

А на шестой день Носков отдал себе приказ: «Прекратить комедию, товарищ Носков!» «Есть прекратить комедию». Он забрался в чемоданы к господам офицерам, забрал карты и документы, а затем отыскал фельдфебеля со свиным рылом и говорит ему: «Герр фельдфебель, гутен морген! Любят ли ваши офицеры свежую рыбу? Потому как мне известно, что в речке за деревней водятся замечательная рыба. А я специалист по этому делу. Снасти же можно достать у крестьян».

Фельдфебелю сильно понравилось это конкретное предложение... Товарищ Степанушкин, мне не на этой остановке сходить?

— Нет, на следующей, товарищ сержант.

— ...Достали снасти и пошел Носков с фельдфебелем на речку.

И вот идет Носков с фельдфебелем.

Дело было к вечеру. Солнце садилось вдали за леском. Идет Носков с фельдфебелем.

День был тихий, погожий. Лишь маленький, робкий ветерок тревожил кусты. Идет Носков с фельдфебелем.

Повернули вправо, вышли на косогор. Уже и речка показалась. Идет Носков... А где же герр фельдфебель?

А вон он позади — лежит в кустах, лицом вниз. Крепким ударом по голове оглушил его разведчик. Герр фельдфебель, гутен морген!

«Бултых в воду, товарищ Носков!» «Есть бултых в воду!..» Короче говоря, в тот же вечер Носков, весь мокрый, предстал перед своим командиром... Ага! Вот и моя станция. До свидания. Желаю всего хорошего.

— Спасибо за рассказ,— сказал я,— очень рад был познакомиться с вами, товарищ сержант. А можно узнать вашу фамилию?

— Иван Перепечко.

Поезд остановился. Иван Перепечко вышел из вагона. Мы остались вдвоем с бойцом.

Боец, смеясь, сказал:

— Ну, и наврал же вам сержант!

— Как? Все, что он рассказал,— ложь?

— Нет, только насчет своей фамилии. А все остальное — истинная правда. Никогда он Перепечкой не был. Зовут его Герасим Носков.

Г. РЫКЛИН

Рис. Б. Клинча

— Как дела, господин Квислинг?

— Отлично! Фюрер продлил мое арийское происхождение еще на две недели.

Утро Ганса

(Из записок приятеля)

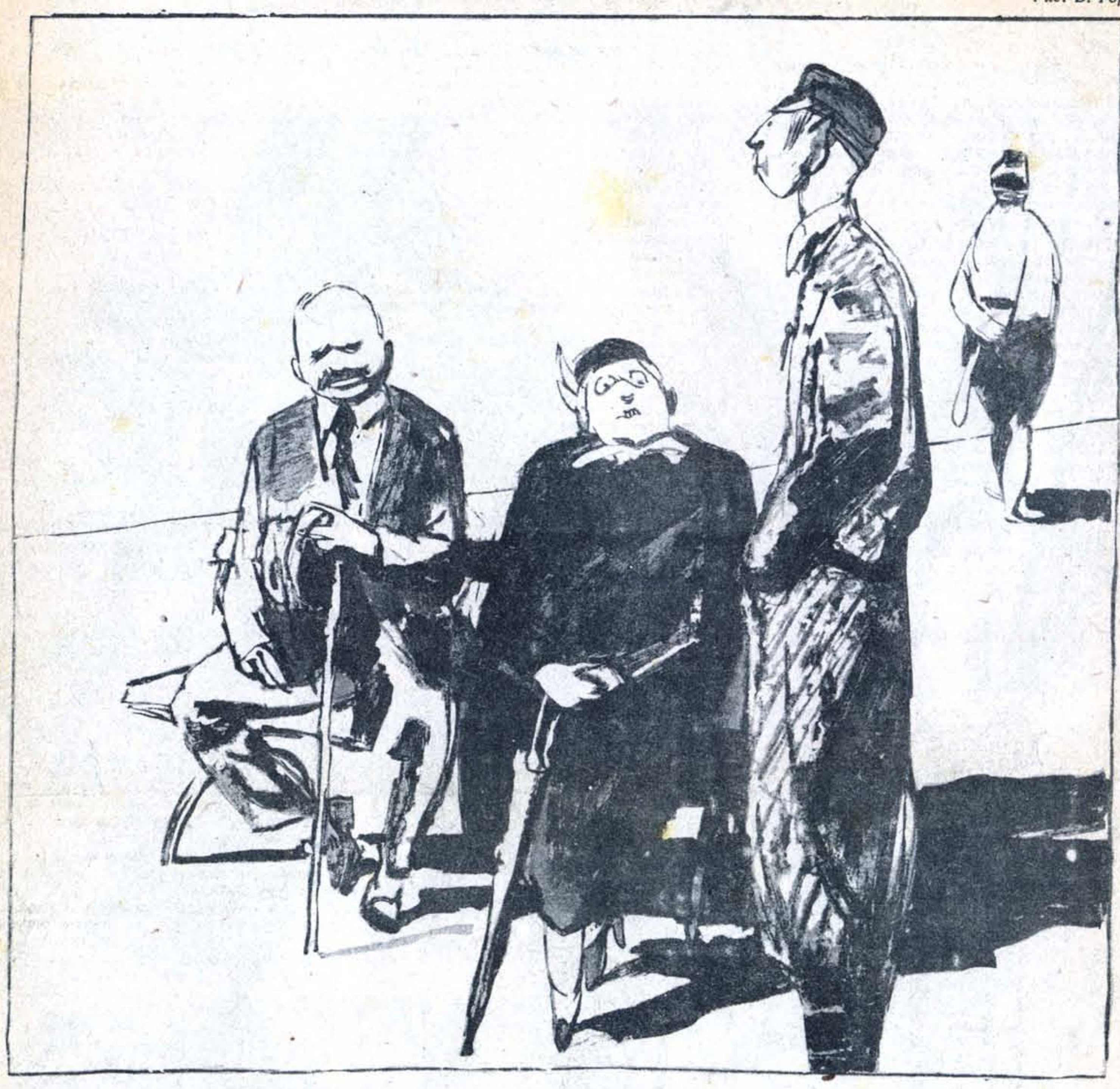
Ровно в 8 — на молитву,
В 8[10] — на грабеж.
В 8[45] — в битву...
Думал, будет день хорош...
Съел он курицу; однако
Не унялся апетит...
Ровно в 9 — шел в атаку.
В 9[10] — был убит.

А. ЖАРОВ.

Северный флот.

ЧАДО

Рис. В. Горяева

— А сынок-то ваш как вырос, фрау!
— Да, хоть сейчас на фронт! Он у меня уже часы украл — настоящий солдат!

Письма и песни

Жили два бойца в землянке,
За курганом, у реки.
Оба снайперы-герои,
Знаменитые стрелки.
Был один — любитель писем,
Это видно по всему:
Отправлял он с каждой почтой
Ежедневно по письму.
Был второй — любитель песен,
Это слышно было всем:
Знал он песен всевозможных
Сотен шесть, а может, семь.
И сказал однажды первый:
— Все ж мы мало бьем зверья;
Обязуюсь счет повысить
К годовщине Октября.
Сколько строчек в письмах к милой
Я за месяц напишу,
Столько немцев из винтовки
Я за осень уложу!
А второй сказал, подумав:
— Я до писем неохоч!
А зато вот наши песни
Петь готов я день и ночь!
Обязуюсь: сколько песен
Я за месяц пропою,
Столько немцев из винтовки
Я за осень перебью!
И с тех пор влюбленный снайпер
(Звать его Петров Кузьма)
Стал писать своей любимой
Ежедневно два письма...
А второй, Макаров Федор,
Взяв винтовку на ремень,
Два десятка новых песен
Исполняет каждый день...
Строчки тесные чернеют,
Песни льются чередой.
...Что-то немцы реже стали
К речке бегать за водой...

Алексей РЕЗАПКИН.

Действующая армия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

А 61672 Москва. Изд. № 805. Подписано к печати 12/ X 1942 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2738. Тираж — 200 000 экз.

ПОСЛЕ РУССКОЙ КОНТРАТАКИ

Рис. К. Елисеева

— Удивительно упорный народ эти русские: как я с ними ни бился, никак не мог уговорить их, что мы должны победить.